

ГЕРОИЧЕСКИЙ ВЕК И САТИРА

Я РЕЖИССЕР сатирического театра, и мне есть о чем подумать в преддверии съезда писателей. Куда будет развиваться сатира, каковы ее права и обязанности в новых условиях, когда семилетка уже стала фактом, повседневным делом страны, неуклонно шагающей в коммунизм? Что делать Московскому театру сатиры в век электроники, полупроводников и космических полетов? И не закрыть ли его совсем, как не отвечающего духу и задачам времени?

В самом деле: сегодня, как никогда, современно звучат пророческие слова Горького: «настало время нужды в героическом». Главное направление искусства ясно, оно определено всем ходом жизни, кипящей вокруг. И вдруг рядом — непривлекательное зрелище душевных уродов и общественных злоупотреблений, пристальный интерес к отрицательному в жизни, ко всему полному, мелкому. Да нужно ли это сегодня, да важно ли?

Подобные суждения в последнее время приходится слышать часто. В общей форме, как эстетическую категорию, сатиру, кажется, признают все; но чуть дело доходит до конкретных произведений, возникает робость, и работаешь в полсилы, с оглядкой, и заползаешь в голову мысль: а правомерна ли вообще сатира в сегодняшнем искусстве, а не начать ли, в самом деле, хлопоты о том, чтоб у единственного в Союзе театра этого профиля сняли вывеску, не стать ли театром драмы и комедии, хотя уже есть один такой в Москве!

Между тем я твердо убежден, что время сатиры не только не отошло, но напротив, сейчас-то ей именно и предстает пора самого яркого цветения. Когда перелистываешь материалы XXI съезда партии, перебираешь в памяти отдельные речи, видишь, что среди развернутой величественной программы наступления коммунизма по всему фронту намечен и путь деятельности сатирического театра на семилетие вперед.

Предстоит не только беспримерное, невиданное по масштабу строительство. Предстоит гигантская созидательная работа над личностью человека. Нельзя идти в коммунизм с теми, у кого душа искривлена, чувства некрасивы и помыслы нечисты; нельзя захватывать с собой туда мещанство, карьеризм, собственничество, словом, все, что мы называем пережитками прошлого.

«У нас нередко еще встречаются люди, которые недобросовестно относятся к общественному труду, занимаются спекуляцией, нарушают дисциплину и общественный порядок. Нельзя спокойно ожидать, когда эти пережитки капитализма исчезнут сами по себе, необходимо вести против них решительную борьбу, направить общественное мнение против всяческих проявлений буржуазных взглядов и нравов, против антиобщественных элементов».

В этих словах Н. С. Хрущева заключен прямой призыв к нам, сатирикам. От нас ждут, чтобы силой своего искусства мы направляли гнев народа против всего, что позорит советского человека.

На наших глазах растет нетерпимость к носителям общественного зла. Уже почти не приходится слышать снисходи-

Валентин ПЛУЧЕК,
главный режиссер
Московского театра сатиры

тельно-поощрительных фраз типа: «Ну, выпил, ну, сдулигнали, ну, что ж так-то!» В защиту пьяницы, хама, лодыря все реже находят охотники выступать. Активно работают фельетонисты, получившие большее жизненное пространство в нашей прессе. Существуют первая страница «Правды» и шестая, но нет никакого противоречия между вдохновенным рассказом о наших текущих победах и гневной отповедью подхалиму, жулику, обывателю, многоженцу — то и другое размещается в пределах одной газеты. Но странное дело — в искусстве почему-то получается иначе. Сатира в драме и на сцене оказывается на положении второстепенного жанра.

Конечно, всякая односторонность вредна, и отдавать предпочтение сатире перед другими формами литературного творчества было бы тоже неверно. Но нельзя ущемлять сатиру в правах, ссылаясь на то, что время у нас героическое. Я даже думаю, что наступит такой момент, когда сатира станет решающей формой борьбы с недостатками. Административные меры воздействия отпадут, суду и прокуратуре не останется места в обществе будущего, но всегда найдутся явления, которые в известных исторических условиях окажутся тормозом общественного развития, и с ними придется вести решительную борьбу. И потому Московский театр сатиры преждевременно закрывать.

Несколько месяцев тому назад мы обратились с письмом в Министерство культуры, где просили устроить конкурс на лучшую советскую комедию. И вот, обсуждая это письмо, наш художественный совет прикинул, на какие именно темы хотели бы мы, сатирический театр, откликнуться в ближайшее время. Оказалось, что объекты сатиры в избытке существуют вокруг нас, и нам не составило никакого труда перечислить эти темы в своем письме.

Мы говорили о счастье понятого призвания и о человеке не на своем месте, о радости творческого отношения к жизни и о той мертвечине, которую всегда распространяет вокруг себя службист, о лжеученых и о вдохновении научных исканий, о любви настоящей, той, что пограндиознее онегинской любви, и о браке по расчету, о рабах ложной семейной морали. Мы говорили о стяжательстве, собственнических инстинктах, приспособленчестве и карьеризме. Мы говорили о необходимости боевого и острого разоблачения международного ревизионизма, идеологов новой войны. Талантливая пьеса на любую из названных тем была бы явлением общественно полезным.

Какая сатира нам сегодня нужна? Мне кажется, не констатирующая тот или иной отрицательный факт, но обнажающая его корни. Мало сказать, что зло существует, надо еще объяснить, откуда оно растет, чем держится в нашем советском обществе, в чем находит опору. Так поступал Владимир Маяковский. Он называл своего «Клопа» в известной степени антиподочной агиткой. Но Маяковский увидел в пьянстве оборотную сторону безыдейности и сумел удивительно точно связать пьяный угар и гитарные рокотанья, «розы и грезы» и пошлость в быту с тем, что сам он назвал политическим мещанством.

Мы играем сатирическую комедию Сергея Михалкова «Памятник себе...» Играем и сознаем, что она не исчерпывает сатирических возможностей автора и театра. Но мы готовы драться за это произведение потому, что автор умелым сатирическим приемом раскрывает родословную критикуемого им типа. Есть некто Почесухин — управляющий предприятиями коммунального обслуживания в маленьком городке. Занимает место в советском учреждении, произносит наши, советские, слова. Но только по внешним признакам можно принять его за советского человека. Как когда-то Присыпкин, Почесухин проспал сорок лет существования Советской власти, сохранил купеческие вкусы, купеческую повадку, бессознательную тягу к купеческому образу жизни. «Вот она, житуха! Вино, бабы и никакой ответственности!» — в этой фразе весь Почесухин — беспробудный мещанин, человек не на своем месте.

Сейчас наш театр глубоко увлечен новой пьесой Назыма Хикмета «Дамоклов меч». Почему она нам дорога? Потому, во-первых, что дает нам прямую возможность участвовать в нынешней борьбе народов за мир, против атомного психоза, разжигаемого современной реакцией. Потому, во-вторых, что эта драматическая, а бы даже сказал, трагическая сатира достоверно показывает, как капитализм ежедневно и ежечасно калечит душу человека, рождает моральных уродов, одержимых идеей мирового господства. Проследить истоки философии человеконенавистничества — разве это не увлекательная задача для сатирического театра?!

Нам радостно думать также, что на Малой сцене ЦТСа идет сатирический водевиль Леонида Зорина «Добряки», где глубоко доказывается та мысль, что нелюбезный, наглецов, не по праву занимающих посты в учреждениях, создают добряки на государственный счет. Но, увы! Обидывая взором репертуар московских

театров, мы только «Добряков» и можем взять в союзники своей борьбы за сатирический репертуар. Даже прославленные наши комедиографы сегодня не пишут комедий — не потому ли, что не хотят прослыть художниками, шагающими не в ногу с временем, не хотят взять на себя тяжелый труд «ассенизаторов», как говорил Маяковский.

Кстати, о комедии. Мы ясно видим, что народ просто жаждет возможности расправиться с глупостью смехом. Когда растет благосостояние, укорачивается рабочая неделя, поднимаются кварталы новых домов, у людей появляются все основания для жизнерадостности и оптимизма. Нужны все виды, все формы смешного — от водевиля до памфлета.

Я думаю, что «добрые» комедийные жанры в историческом плане также очень перспективны. Очень хочется любя посмеяться над теми странностями и предразсудками, которые свойственны хорошему советским людям, над ошибками, которые они совершают. Воспитывать человека будущего можно самыми разными способами, и, конечно же, добрым смехом.

В нашем театре идет лирический водевиль молодых драматургов С. Лунгина и И. Нусинова «Дым без огня». Спектакль очень спорен, он не нравится многим, и я не собираюсь его защищать. Но мне он дорог самой постановкой вопроса: его молодые герои, перебираясь в новый, своими руками отстроенный дом, задумываются над тем, можно ли переезжать в этот дом со всей рухлядью из тухлых шкафов, со старыми отношениями, — не правильнее ли будет оставить на его пороге игру болезненных самолюбий, недоразумения, сплетни, недоверие к товарищу — весь тот «дым без огня», который еще завлакивает порой нашу жизнь.

В развитии этой темы — широчайшее поле деятельности для комедийного театра. Нужно бороться за чистоту морального облика нашего человека, за его вкусы и эстетические склонности. Нужно спорить о вкусах, в том числе и о вкусах в искусстве, сражаться с пошлостью, в чем бы она ни проявлялась, а это — прямой материал для водевиля, пародии и обозрения.

...Мне часто приходится слышать, что я работаю в трудном, чуть ли не опасном театре. Меня подобные «сочувствия» глубоко огорчают. Я думаю, пора уже рассеять заблуждение, будто бы профессия сатирика является опасной профессией, вредным производством. Пора всем не в меру осторожным людям перестать видеть в сатириках врагов.

Надо создать общественную атмосферу, благоприятствующую развитию сатиры и комедии. Я надеюсь и верю, что III съезд писателей скажет по этому поводу свое веское слово.

24 МАР 1959

„ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА“

г. Москва

ГЕРОИЧЕСКИЙ ВЕК И САТИРА

Я РЕЖИССЕР сатирического театра, и мне есть о чем подумать в преддверии съезда писателей. Куда будет развиваться сатира, каковы ее права и обязанности в новых условиях, когда семилетка уже стала фактом, повседневным делом страны, неуклонно шагающей в коммунизм? Что делать Московскому театру сатиры в век электроники, полупроводников и космических полетов? И не закрыть ли его совсем, как не отвечающего духу и задачам времени?

В самом деле: сегодня, как никогда, современно звучат пророческие слова Горького: «настало время нужды в героическом». Главное направление искусства ясно, оно определено всем ходом жизни, кипящей вокруг. И вдруг рядом — непривлекательное зрелище душевных уродств и общественных злоупотреблений, пристальный интерес к отрицательному в жизни, ко всему мелкому, да нужно ли это сегодня, да важно ли?

Подобные суждения в последнее время приходится слышать часто. В общей форме, как эстетическую категорию, сатиру, кажется, признают все; но чуть дело доходит до конкретных произведений, возникает робость, и работаешь в полсилы, с оглядкой, и заползаешь в голову мысль: а правомерна ли вообще сатира в сегодняшнем искусстве, а не начать ли, в самом деле, хлопоты о том, чтоб у единственного в Союзе театра этого профиля сняли вывеску, не стать ли театром драмы и комедии, хотя уже есть один такой в Москве!

Между тем я твердо убежден, что время сатиры не только не отошло, но напротив, сейчас-то ей именно и предстоит пора самого яркого цветения. Когда перелистываешь материалы XXI съезда партии, перебираешь в памяти отдельные речи, видишь, что среди развернутой величественной программы наступления коммунизма по всему фронту намечен и путь деятельности сатирического театра на семилетие вперед.

Предстоит не только беспримерное, невиданное по масштабу строительство. Предстоит гигантская созидательная работа над личностью человека. Нельзя идти в коммунизм с теми, у кого душа искривлена, чувства некрасивы и помыслы нечисты; нельзя захватывать с собой туда мещанство, карьеризм, собственничество, словом, все, что мы называем пережитками прошлого.

«У нас нередко еще встречаются люди, которые недобросовестно относятся к общественному труду, занимаются спекуляцией, нарушают дисциплину и общественный порядок. Нельзя спокойно ожидать, когда эти пережитки капитализма исчезнут сами по себе, необходимо вести против них решительную борьбу, направить общественное мнение против всяческих проявлений буржуазных взглядов и нравов, против антиобщественных элементов».

В этих словах Н. С. Хрущева заключен прямой призыв к нам, сатирикам. От нас ждут, чтобы силой своего искусства мы направляли гнев народа против всего, что позорит советского человека.

На наших глазах растет нетерпимость к носителям общественного зла. Уже почти не приходится слышать снисходи-

◇
Валентин ПЛУЧЕК,
главный режиссер
Московского театра сатиры
◇

тельно-поощрительных фраз типа: «Ну, выпил, ну, схулитанил, ну, что ж такого!» В защиту пьяницы, хама, лодыря все реже находят охотники выступать. Активно работают фельетонисты, получившие большее жизненное пространство в нашей прессе. Существуют первая страница «Правды» и шестая, но нет никакого противоречия между вдохновенным рассказом о наших текущих победах и гневной отповедью подхалиму, жулику, обывателю, многоженцу — то и другое размещается в пределах одной газеты. Но странное дело — в искусстве почему-то получается иначе. Сатира в драме и на сцене оказывается на положении второстепенного жанра.

Конечно, всякая односторонность вредна, и отдавать предпочтение сатире перед другими формами литературного творчества было бы тоже неверно. Но нельзя ущемлять сатиру в правах, ссылаясь на то, что время у нас героическое. Я даже думаю, что наступит такой момент, когда сатира станет решающей формой борьбы с недостатками. Административные меры воздействия отпадут, суду и прокуратуре не останется места в обществе будущего, но всегда найдутся явления, которые в известных исторических условиях окажутся тормозом общественного развития, и с ними придется вести решительную борьбу. И потому Московский театр сатиры преждевременно закрывать.

Несколько месяцев тому назад мы обратились с письмом в Министрство культуры, где просили устроить конкурс на лучшую советскую комедию. И вот, обсуждая это письмо, наш художественный совет прикинул, на какие именно темы хотели бы мы, сатирический театр, откликнуться в ближайшее время. Оказалось, что объекты сатиры в избытке существуют вокруг нас, и нам не составило никакого труда перечислить эти темы в своем письме.

Мы говорили о счастье понятого призвания и о человеке не на своем месте, о радости творческого отношения к жизни и о той мертвечине, которую всегда распространяет вокруг себя службист, о лжеученых и о вдохновении научных исканий, о любви настоящей, той, что пограничнее онегинской любви, и о браке по расчету, о рабах ложно понятой семейной морали. Мы говорили о стяжательстве, собственнических инстинктах, приспособленчестве и карьеризме. Мы говорили о необходимости боевого и острого разоблачения международного ревизионизма, идеологов новой войны. Талантливая пьеса на любую из названных тем была бы явлением общественно полезным.

Какая сатира нам сегодня нужна? Мне кажется, не констатирующая тот или иной отрицательный факт, но обнажающая его корни. Мало сказать, что зло существует, надо еще объяснить, откуда оно растет, чем держится в нашем советском обществе, в чем находит опору. Так поступал Владимир Маяковский. Он называл своего «Клопа» в известной степени антиподочной агиткой. Но Маяковский увидел в пьянстве оборотную сторону бездельности и сумел удивительно точно связать пьяный угар и гитарные рокотанья, «розы и грезы» и пошлость в быту с тем, что сам он назвал политическим мещанством.

Мы играем сатирическую комедию Сергея Михалкова «Памятник себе...» Играем и сознаем, что она не исчерпывает сатирических возможностей автора и театра. Но мы готовы драться за это произведение потому, что автор умелым сатирическим приемом раскрывает родословную критикуемого им типа. Есть некто Почесухин — управляющий предприятиями коммунального обслуживания в маленьком городке. Занимает место в советском учреждении, произносит наши, советские, слова. Но только по внешним признакам можно принять его за советского человека. Как-то когда-то Присыпкин, Почесухин проспал сорок лет существования Советской власти, сохранил купеческие вкусы, купеческую повадку, бессознательную тягу к купеческому образу жизни. «Вот она, житуха! Вино, бабы и никакой ответственности!» — в этой фразе весь Почесухин — беспросветный мещанин, человек не на своем месте.

Сейчас наш театр глубоко увлечен новой пьесой Назыма Хикмета «Дамоклов меч». Почему она нам дорога? Потому, во-первых, что дает нам прямую возможность участвовать в нынешней борьбе народов за мир, против атомного психоза, разжигаемого современной реакцией. Потому, во-вторых, что эта драматическая, а бы даже сказал, трагическая сатира достоверно показывает, как капитализм ежедневно и ежечасно галечит душу человека, рождает моральных уродов, одержимых идеей мирового господства. Проследить истоки философии человеконенавистничества — разве это не увлекательная задача для сатирического театра?!

Нам радостно думать также, что на Малой сцене ЦТСа идет сатирический водевиль Леонида Зорина «Добряки», где глубоко доказывается та мысль, что негодучек, наглецов, не по праву занимающих посты в учреждениях, создают добряки на государственный счет. Но, увы! Обидывая взором репертуар московских

театров, мы только «Добряков» и можем взять в союзники своей борьбы за сатирический репертуар. Даже прославленные наши комедиографы сегодня не пишут комедий — не потому ли, что не хотят прослыть художниками, шагающими не в ногу с временем, не хотят взять на себя тяжелый труд «ассенизаторов», как говорил Маяковский.

Кстати, о комедии. Мы ясно видим, что народ просто жаждет возможности расправиться с глупостью смехом. Когда растет благосостояние, укорачивается рабочая неделя, поднимаются кварталы новых домов, у людей появляются все основания для жизнерадостности и оптимизма. Нужны все виды, все формы смешного — от водевиля до памфлета.

Я думаю, что «добрые» комедийные жанры в историческом плане также очень перспективны. Очень хочется любя посмеяться над теми странностями и предрассудками, которые свойственны хорошим советским людям, над ошибками, которые они совершают. Воспитывать человека будущего можно самыми разными способами, и, конечно же, добрым смехом.

В нашем театре идет лирический водевиль молодых драматургов С. Лунгина и И. Нусинова «Дым без огня». Спектакль очень спорен, он не нравится многим, и я не собираюсь его защищать. Но мне он дорог самой постановкой вопроса: его молодые герои, перебираясь в новый, своими руками отстроенный дом, задумываются над тем, можно ли пересезать в этот дом со всей рухлядью из трюхлявых шкафов, со старыми отношениями, — не правильнее ли будет оставить на его пороге игру болезненных самолюбий, недоразумения, сплетни, недоверие к товарищу — весь тот «дым без огня», который еще заволакивает порой нашу жизнь.

В развитии этой темы — широчайшее поле деятельности для комедийного театра. Нужно бороться за чистоту морального облика нашего человека, за его вкусы и эстетические склонности. Нужно спорить о вкусах, в том числе и о вкусах в искусстве, сражаться с пошлостью, в чем бы она ни проявлялась, а это — прямой материал для водевиля, пародии и обозрения.

...Мне часто приходится слышать, что я работаю в трудном, чуть ли не опасном театре. Меня подобные «сочувствия» глупоко огорчают. Я думаю, пора уже рассеять заблуждение, будто бы профессия сатирика является опасной профессией, вредным производством. Пора всем не в меру осторожным людям перестать видеть в сатириках врагов.

Надо создать общественную атмосферу, благоприятствующую развитию сатиры и комедии. Я надеюсь и верю, что III съезд писателей скажет по этому поводу свое веское слово.

